

НЕТ НИ РАЯ, НИ АДА

Екатерина
Шрейбер

18+

Екатерина Шрейбер

Нет ни рая, ни ада

<https://litres.ru/74036284>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лиля давно привыкла жить с болью. Несколько лет назад авария на мотоцикле разделила её жизнь на «до» и «после». Она потеряла любимого мужчину, сама чудом осталась жива и с тех пор старается держаться подальше от всего, что может снова разбить ей сердце. Но однажды в её жизни появляется Сергей — талантливый кардиохирург с добрыми глазами и упрямым характером. Он не похож на других мужчин и не собирается отступать, несмотря на все её попытки сохранить дистанцию.

Когда Лиля наконец решается поверить в счастье, судьба наносит новый удар. Можно ли полюбить человека, которого считаешь виновным в собственной трагедии? И хватит ли сил отпустить прошлое, если оно всё ещё живёт в сердце?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	46
Глава 6	55
Глава 7	65
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Екатерина Шрейбер

Нет ни рая, ни ада

Глава 1

Нет ни рая, ни ада, о сердце моё!
Нет из мрака возврата, о сердце моё!
И не надо надеяться, о моё сердце!
И бояться не надо, о сердце моё!

Омар Хайям

По пустой трассе, разрезая прохладный воздух августовского утра, летела синяя двухколёсная «Хонда». Солнце только встало, и по полям, раскинувшимся вдоль дороги, ещё стелились облачка белого тумана. Рёв мотоцикла разрывал тишину, наполненную лишь пением птиц в ветвях деревьев и шорохом насекомых в траве. Водитель в чёрной кожаной куртке и синих потёртых джинсах давил на газ. Сзади, вжавшись в его широкую спину, сидела девушка. Её длинные тёмные волосы, выбивающиеся из-под шлема, трепал ветер.

В это же время навстречу им не спеша, словно боясь спугнуть начинающийся день, двигалась чёрная «тойота». Дорога поднималась в горку и давала некрутой изгиб. Мотоцикл блеснул на солнце глушителем, наклонился влево и уверенно вошёл в поворот, но вдруг начал тормозить и уходить в

занос. До автомобиля оставалось не больше пятидесяти метров. В следующую секунду раздался удар, а потом тишина снова накрыла всё вокруг.

* * *

Я проснулась от запаха кофе и булькающих звуков кофеварки, но прежде чем открыть глаза, тихо застонала от тупой боли в голове. Повернулась на бок. Боль стала сильнее и противно запульсировала в висках. Надо же было вчера так напиться! Стоп, что происходит у меня на кухне?

Кто-то определённо варит кофе и жарит яичницу. И чтоб мне никогда не встать с постели, если это мама. Я медленно разлепила глаза, провела рукой по лбу, чтобы убрать спутанные волосы и хоть немного унять головную боль, потом так же медленно встала, натянула на голое тело футболку и на цыпочках проскользнула в ванную. Прежде чем столкнуться лицом к лицу с неожиданной реальностью, нужно хоть немного привести себя в порядок.

Из зеркала на меня смотрело ни больше ни меньше огородное пугало. Короткие чёрные волосы торчали вверх, как панковский ирокез, под глазами — круги от осыпавшейся туши, на щеке — глубокая вмятина от подушки. Я поливала лицо то горячей, то холодной водой, а потом просто засунула голову под кран и с мазохистским удовольствием почувствовала, как ледяной поток нещадно студит кожу.

Наскоро промокнув волосы полотенцем, я глубоко вздохнула и пошла на кухню. Уселась в своё любимое голубое

кресло и уставилась на невысокого мужчину, босого, в джинсах и белой футболке, который отвлёкся от шипящей на плите сковороды и взглянул на меня.

— Привет! Кофе и яичница готовы. Ничего, что я тут хозяйничал?

Свеженький, как горячий пирожок. Светлые выющиеся волосы, круглые голубые глаза за прозрачными стёклами изящных, почти незаметных очков и раздражающая улыбка на лице. По-детски радостная, чуть смущённая, искренняя. Так бы и убила. Его лицо показалось мне знакомым, как будто мы встретились не вчера, а знали друг друга гораздо раньше, и это смутное царапающее ощущение только усилило мою желчность.

— Ничего, — пробормотала я, желая только одного: чтобы незнакомец поскорее убрался с моей кухни и оставил меня умирать с похмелья. Чёрт, я даже не помню, как его зовут!

Он уже положил в тарелку горячий завтрак, пододвинул её поближе ко мне и поставил рядом кружку с кофе, из которой я никогда не пью. Мне совершенно не хотелось быть вежливой или деликатной. Мы познакомились вчера в клубе и провели вместе ночь, но это не значит, что утром можно вот так бесцеремонно вторгнуться на мою кухню, готовить мне еду и вести себя как ни в чём не бывало. Он должен был просто чмокнуть спящую меня в щёку, оставить свой номер телефона на всякий случай (которого никогда не будет) и тихо покинуть квартиру, растворившись в утреннем тумане.

Яичница оказалась чертовски вкусной, незнакомец не только не забыл её посолить, но даже нашёл в моём вечном кухонном бардаке специи: сушёный чеснок и копчёную паприку. Желудок, чего я от него не ожидала, с благодарностью принял еду. И кофе был чёрный, без сахара, как я люблю.

Пока завтрак исчезал во рту, я успела получше разглядеть гостя, который, усевшись на табурет напротив, с таким же аппетитом поглощал свою порцию. Он был худощав, но рельефные плечи и красивые руки с длинными, сильными пальцами с лихвой компенсировали недостаток мышц. У него было приятное, располагающее к себе лицо, по-мальчишески юное и в то же время интеллигентное, умное. Как меня угораздило подцепить такого парня? И, хотя я не уверена, но кажется, мне понравилось заниматься с ним сексом.

Перед глазами встали тёмные кирпичные стены ночного клуба, замелькали полустёртые лица танцующих людей. В ушах зазвучала оглушающая музыка, под которую вчера с таким наслаждением двигалось моё тело. Затем, словно стоп-кадр из фильма, всплыл образ незнакомца с моей кухни: проходя мимо его столика, я случайно толкнула его бедром, повернулась и по-дурачки расхохоталась, глядя, как он яростно вытирает со скатерти разлитое пиво. В следующем кадре мы уже на танцполе, в тесных объятиях двигаемся в такт медленной мелодии. Потом такси, моя квартира. А дальше провал.

Когда с завтраком было покончено, я сделала очередной

глоток кофе и потянулась за сигаретой. Парень не закурил и ничего не сказал.

— Слушай, у меня адски болит голова — Я пыталась намекнуть, что ему пора прощаться.

— Меня зовут Сергей. Есть у тебя какие-нибудь таблетки? Советую выпить аспирин.

— Я знаю! — огрызнулась я, делая вид, что помню его имя и знаю, как себя вылечить.

— Хорошо. А потом ложись спать.

Он убрал со стола грязную посуду, подошёл, притянул мою голову к своему животу, легонько обнимая, и поцеловал в макушку. Господи, почему от него так хорошо пахнет после такой-то ночи?!

— Пока, — коротко попрощался Сергей, обулся и вышел из квартиры.

Ну вот, всё-таки не оставил свой номер телефона.

Я выпила таблетку и вернулась в постель. Судя по всему, на улице пасмурно, вот-вот пойдёт дождь. Отлично, хоть выплусь как следует. Сквозь плотные сине-зелёные шторы проникал мутный свет, единственная комната моей съёмной квартиры утопала в полумраке. Шкаф в углу, компьютерный стол, маленький диванчик, старый коричневый палас и широкий двуспальный матрас прямо на полу составляли всё её убранство. Разбросанная одежда, стопки книг и журналов на полу, коробки, в которых даже я не помнила, что лежит, любимая кружка для кофе и грязные блюда на столе не добав-

ляли моему жилищу очарования. Что мог подумать о его хозяйке какой-нибудь случайно попавший сюда Сергей?

Нахлынула тоска. Кто из родителей додумался назвать меня Лилией? Ненавижу это имя. Во мне нет ни изящества, ни достоинства, ни красоты, и я меньше всего похожа на гордый белоснежный цветок. Чёрные волосы, смуглая даже зимой кожа, глаза непонятного болотного оттенка, ничем не примечательная фигура. Однажды в детстве цыгане, разбившие табор на окраине нашего посёлка, приняли меня за свою и чуть не выкрали со двора. Так рассказывала мама, но я не уверена, что это правда.

Возможно, было бы лучше, если бы я отправилась топтать жёлтую пыль дорог и серую осеннюю слякоть с новой разноцветной и шумной семьёй, научилась воровать кошельки и приставуче жалобно выпрашивать копеечку у прохожих, полюбила лошадей, вышла замуж в четырнадцать лет за жгучего красавца, нарожала кучу детей, сверкала золотыми зубами и никогда не думала о том, как жить дальше. Но судьба распорядилась иначе.

Подростковые комплексы отступили, когда я встретила Гришу. Он говорил, что я изящнее его драгоценной гитары, к которой я поначалу ревновала: с такой нежностью и трепетом он всегда брал её в руки. Часто по вечерам мы сидели в его тёмной, заваленной разносортным хламом, прокуренной спальне, где он играл печальные мелодии и пел тёплым, обволакивающим, как молоко с мёдом, голосом. В эти минуты

я замирала и погружалась в состояние, похожее на плотный кокон, который не давал мне пошевелиться. При этом кожу слегка покалывало, как от слабых электрических разрядов. После песен мы ложились на низкий продавленный диван и медленно, сдерживая нетерпение, занимались любовью. Я всегда чувствовала, даже если Гриша ничего не говорил, как он восхищается моим телом, какую радость оно ему приносит.

Сегодня я превратилась в изрядно потрёпанную жизнь, сутулую женщину с усталыми мутными глазами, висящими плетьюми руками и худой плоской задницей. Мне тридцать, а выгляжу я как сорокалетняя разведёнка с двумя детьми. Тело давно перестало доставлять мне удовольствие, как и я ему, но на это наплевать. Руки-ноги двигаются, ничего не болит — и ладно. Всё, что выглядит неидеально, можно замазать косметикой и скрыть под слоем эксцентричной одежды. А безразличие в глазах или прямой вызов, привычка говорить в лицо всё, что вздумается, и пренебрегать условностями начисто отбивали у встречаемых людей желание анализировать мою внешность. Чёртова харизма, восхищалась моя подруга Маша. Идеальная защита, думала я.

Возможно, сегодня ночью я действительно показалась привлекательной этому Серёже, но при свете дня я безжалостно резала себя на крупные некрасивые куски и не могла понять, как они держатся вместе и что представляют собой в целом.

Я отвернулась к стене, натянула одеяло до самой макушки и бессильно закрыла глаза. Нужно поспать, и тогда всё пройдёт.

Выйдя из больницы после аварии семь лет назад, я решила, что декорации не важны, и просто поменяла одно захолустье на другое. Поселилась в городке с бурыми хрущёвками и серыми панельными девятиэтажками, дырявыми дорогами и убогими кафешками. Спальный район, провинция, дыра — для меня это место добровольной ссылки, ничего более.

Больших городов я не знала: родилась и выросла в посёлке с тринадцатую тысячами жителей, затерянном в зелёном холмистом краю, когда-то отвоёванном сибирскими казаками у тайги. Тихое, спокойное местечко, где все друг друга знают и живут по неведомо когда сложившимся правилам. Там никогда ничего не происходило, кроме пьяных драк и семейных скандалов. Дома было бедно и строго. От некогда большой семьи почти никого не осталось: кто умер, кто уехал, так что шанса спрятаться от ремня отца и равнодушия матери в шумной толпе родственников, найти хоть у кого-то горячее, влажное от слёз и объятий утешение у меня не было. Родители трудились на кирпичном заводе, старшие братья, едва окончив школу, уехали на заработки. От меня же требовали и отличной учёбы, и ежедневной помощи по хозяйству: покормить кур и свиней, убрать за ними, навести порядок в избе, помочь матери в огороде.

С учёбой проблем не было, я исправно таскала пятёрки, участвовала во всех конкурсах и олимпиадах, без труда и часто побеждала. Родители дивились: оба не имели высшего образования, мои братья тоже не выказывали склонности к умственному труду. «Что ж ты вумная такая у нас?» — шутила мама, то ли гордясь, то ли осуждая. Неприятное чувство особенности со временем превратилось в отчуждение, я стала белой вороной — и в семье, и среди сверстников.

Друзей у меня не было. Одноклассников не разрешалось водить домой, и по гостям мне ходить было нельзя. Свободное время после уроков я проводила в библиотеке, а в хорошую погоду бежала в лес. Изучив все атласы и энциклопедии о местной флоре и фауне, я выискивала знакомые травы, деревья, цветы, ягоды и больше всего на свете радовалась, когда удавалось разглядеть мелькнувшую в траве рыжую спину лисы или заметить силуэт исполинского лося. Там, в лесу, от меня никто ничего не требовал, не осуждал, не запрещал, не оценивал. Там было хорошо, спокойно и радостно, как должно быть дома.

Мне нестерпимо хотелось сбежать подальше. Окончив школу с золотой медалью и поступив в университет, я оказалась на другой планете. Шумная толпа студентов — то ли астронавтов, то ли инопланетян — в странной, яркой, нелепой одежде, с чудными причёсками, серьгами в ушах и носах показалась мне жуткой и привлекательной одновременно. Я стану такой же, одной из них: смелой, умной, экстравагант-

ной! Но самое главное — свободной! Хотелось одновременно и спрятаться в какую-нибудь нору, и пуститься в пляс от счастья.

В семнадцать лет ко всему привыкаешь быстро. Я нырнула в учёбу, как в глубокую реку, и наслаждалась процессом, несмотря на экзаменационную нервотрёпку и бытовой общажный раздрай. Студенческий городок прятался в сосновом лесу и жил своей особой жизнью. Я не скучала по дому. Только по Мишке — огромной мохнатой дворняге, которая жила в деревянной будке у крыльца, сколько я себя помнила. Ботаника, зоология, генетика, физиология, химия — в моей голове не оставалось места ни для чего другого. Я хотела стать молекулярным биологом, настоящим учёным, пропадающим днём и ночью в своей лаборатории. Но потом я познакомилась с Гришей.

На одном из концертов, которые частенько гремели в студенческом городке вперемежку с дискотеками, ко мне подошёл высокий длинноволосый парень, на вид гораздо старше меня. Улыбнулся, взял за руку и увёл в сторону от толпы.

— Привет, тебя как зовут?

— Лиля.

— Какая прелесть. Ли, хочешь прокатиться на мотоцикле?

Я хмыкнула, но согласилась. С того вечера мы стали неразлучны, а я превратилась в Ли — девушку байкера.

Я обожала его литое тело, твёрдое и ладное, как монолит,

за которым можно укрыться от любых бурь. Он был весёлым, азартным, безбашенным. Мог сорваться в ночь, чтобы гнать мотоцикл по пустынной трассе, чувствуя, как ветер гудит в ушах, отправиться на несколько дней на байкерский фестиваль, чтобы потонуть в грохоте музыки, литрах водки и случайном братстве, поехать на своём двухколёсном коне на Алтай или Байкал, сутками не вылезая из седла. Ему ничего в этой жизни не было нужно, кроме дороги, свободы и меня.

Однажды они с другом решили поупражняться в езде на заднем колесе и устроить гонку. Тот, кто первым придёт к финишу, получит бутылку виски двенадцатилетней выдержки. При этом на мотоцикле, кроме водителя, должен быть ещё и пассажир, то есть у Гриши — я, а у друга — его девушка. Мысль об этой затее привела меня в ужас, но я молча залезла на сиденье, вцепилась в обшивку и закрыла глаза. Мы победили, и с тех пор Гриша решил, что я приношу ему удачу. Боюсь, именно тогда он поверил в собственное бессмертие.

Я сделала его своим личным богом. Длинноволосый байкер в чёрной косухе на десяток лет старше, он показал мне, что значит жить по-настоящему. Адреналин в крови — и никаких мыслей о будущем. Мы мчались вперёд на скорости сто пятьдесят километров в час и чувствовали, что нарушаем законы природы: разрезали собой воздух, взлетали над землёй, превращали кровь, бегущую по венам, в расплавлен-

ный металл. Три года пронеслись как комета, яркие, насыщенные, чувственные. Я получила диплом, и впереди было целое лето: щедрое, горячее, бурное, жадное до приключений и открытий. Казалось, впереди долгие годы сумасшедшего счастья, но всё закончилось за одну-единственную долбаную секунду.

После аварии я очнулась в больнице. Что случилось, не помнила, словно кто-то, пока я была в отключке, безжалостно или, напротив, милосердно, стёр из памяти последние два дня моей жизни. Мне сообщили, что Гриша погиб на месте до приезда скорой, я получила сотрясение головного мозга и перелом позвоночника. Всё, на что я надеялась тогда, — это на скорую смерть. Увы. Мне предстояло пережить несколько операций, провести месяцы в гипсе и корсете, научиться заново ходить, а потом наглотаться снотворного, оказаться в реанимации, затем в психушке и вернуться в мир совершенно другим человеком. Я не умерла, но от меня ничего не осталось — кроме выжженной болью и слезами пустоты.

Глава 2

Я снимала не выдавшую ремонта квартиру в старом доме в самом центре города у пенсионерки, которая, дай ей Бог здоровья, уже пять лет не поднимала арендную плату. Да, был и ещё один плюс: моя работа находилась за углом соседнего дома.

Каждый день без пятнадцати восемь, проклиная утро, я выходила из подъезда и ныряла в тенистый, заросший тополями и берёзами дворик. Ночь скрывала бедность, острые углы серых домов, подсвечивала фонарями кроны деревьев, делая их таинственными и волшебными, но с рассветом воздух становился резким и отчётливым, наполнялся ничем не приглушёнными звуками. Родители, торопясь и ругаясь, вели за руку своих отпрысков в детские сады и школы, машины отъезжали от подъездов, по-старушечьи шаркая шинами об истёртый асфальт. Всех нас ждали суета и хаос дня.

Магазин товаров для животных, где я работала продавцом, — крошечное помещение, заставленное клетками с хомячками и попугайчиками, банками и пакетами с кормами. Здесь всегда стоял неистребимый дух кошачьих консервов. Из окон было видно, как поток машин с утра до позднего вечера двигался по главной улице города, как сновали туда-сюда вечно чем-то недовольные люди, а прямо напротив входа, на узком тротуаре, с ранней весны и до поздней осени раски-

дывался стихийный базарчик. Шумные говорливые бабульки в нелепых нарядах — цветастых платках и тёплых пуховых кофтах — раскладывали на табуретках урожай: редиску, помидоры, огурцы, зелень, грибы, кабачки и цветы с дачной клумбы. И мимо невозможно было пройти, чтобы они чего-нибудь тебе не присоветовали!

Сегодня утром, подойдя к крыльцу магазина, я подняла голову, взглянула на огромную берёзу и ухмыльнулась, вспомнив, как познакомилась с Машей — моей отважной, сумасшедшей, единственной и самой любимой подругой, которая заметно скрасила моё пребывание в убогом настоящем.

Однажды в марте я открывала магазин, фыркая от мороза и костеря выскользающий из замёрзших рук ключ. И вдруг заметила боковым зрением какое-то странное движение на верхушке берёзы, которая росла прямо перед входом. Подняв глаза, я замерла. По ломким голым веткам карабкалось вверх довольно крупное существо. Не кошка. Присмотревшись, я поняла, что это енот. Енот! На берёзе в марте месяце в центре города! Я забежала внутрь и начала лихорадочно соображать, кому бы позвонить. Животное нужно было срочно спасать.

Операция развернулась нешуточная. Верхолаз на автовышке, местная пресса, толпа зевак. На глазах у взволнованной публики енота с дерева сняли и вручили владельцам, которые умудрились потерять зверушку во время переезда.

Главной движущей силой спасения оказалась некая девушка Маша, которая моментально откликнулась на мой отчаянный пост в соцсетях и нашла специалиста с техникой.

Когда зрители разошлись по домам, мы с Машей разговорились и с тех пор стали часто общаться. У неё в квартире жили кошка, собака и черепаха. Каждого из своих питомцев она спасла при разных обстоятельствах. Кошку Печенегу, или Печеньку, обмороженной подобрала в подъезде, собаку, Атоса, взяла из приюта, черепаху отвоевала у нерадивых хозяев.

Маша затмевала собой всех. Высокая, статная, с развевающейся копной рыжих выующихся мелкими колечками волос, она обладала особым обаянием, потому что всегда и везде была искренней, как ребёнок. Широко улыбалась друзьям и незнакомцам, могла запросто подойти к человеку на улице и заговорить с ним, всегда была готова прийти на помощь, разделить и горе и радость. Она частенько спасала меня от приступов меланхолии, потому что могла не просто выслушать, но схватить в охапку и встряхнуть. «Лилька, включай неоправданный оптимизм и пошли спасать мир! Срочно!» — басыла она в самое ухо. И как-то сразу становилось смешно, легко, здорово.

Она выросла в профессорской семье и откровенно гордилась своим отцом, который был доктором физико-математических наук, возглавлял лабораторию крупного института и преподавал в университете. Машина мама, бывшая учи-

тельница элитной гимназии, выйдя на пенсию, посвятила себя хозяйству, а когда душа начинала тосковать по школьной жизни, давала частные уроки, но только по знакомству или рекомендации. Младший брат стал врачом, жил отдельно и постоянно пропадал на работе.

Один раз я была дома у её родителей в большом и светлом коттедже, окружённом соснами. Там пахло кофе, табаком и книгами. За круглым столом меня угощали воздушными булочками с маком, ватрушками, земляничным вареньем. Машина мама хлопотала надо мной, как над дорогим гостем, отец травил байки из институтской жизни и хохотал над нерадивыми студентами. Я же сидела на стуле, выпрямив спину и держа улыбку на лице. Моя жизнь могла бы быть такой же. Лет через двадцать—тридцать. Муж, взрослые дети, красивый дом, но главное — ощущение того, что ты живёшь своей жизнью и находишься на своём месте. Я чувствовала себя лишней в этом тёплом неглянцевом уюте, как поломойка, которую добродушные хозяева пригласили за стол. При первой же возможности я за всё поблагодарила Машиных родителей и откланялась, сочинив приличный предлог.

Подруга давно покинула родные пенаты, пережила развод, купила небольшую квартиру в нашем городке — здесь было дешевле, тише, спокойнее. Она работала журналистом-фрилансером, вела спецпроекты для нескольких интернет-изданий, фотографировала, снимала и монтировала видео. Помимо пронзительных человеческих историй, на которые у

Маши был профессиональный нюх, она любила глухие места, горы, походы, ночёвки в палатке и животных. Каждую неделю она ездила на самую окраину города в местный приют для бездомных собак и кошек, ухаживала за ними, помогала пристраивать, привозила туда собранные пожертвования в виде кормов и старых одеял.

Не знаю, зачем я со своей никчёмной и неинтересной жизнью была нужна Маше, но мне не хотелось думать, что она дружит со мной только из-за своей неистребимой потребности о ком-то заботиться.

Я не заметила, как наступило лето, и не вспоминала больше случайного знакомого по имени Сергей. Сколько их таких было и ещё будет в моей жизни? Мелькающие кадры киноленты, картинки из старого журнала, фантики от конфет, валяющиеся по обочинам дороги, — я наверняка не смогу достать из памяти ни одного лица, когда состарюсь. Если состарюсь.

Я открыла бутылку колы и, не заметив, как пластиковая крышечка упала на линолеум на кухонном полу, сделала жадный глоток холодной, сладкой и мелко пузырящейся во рту газировки прямо из горлышка. После долгого рабочего дня и неожиданно накрывшей город жары мне нужно было освежиться и расслабиться.

С наслаждением развалилась в огромном кресле, закурила, стряхивая пепел в керамическую пепельницу с изобра-

жением Нефертити. Она была крошечной, неудобной, китчевой. Если бы это был подарок от случайного знакомого на какой-нибудь дурацкий праздник, я бы давно её выбросила, но я сама купила её в соседнем универмаге в отделе китайских безделушек — не для красоты, а просто чтобы тушить окурки. Мой дом был полон таких вещей. Пластиковые рамки, в которых никогда не было фотографий. Магнетики на холодильнике из городов, где я не была. Керамическая жаба-копилка с отколотым ухом. Они появлялись сами собой, будто цеплялись за меня. Наверное, так я заполняла пустоту. Кто-то заводит семью, рождает детей, собирает друзей за большим столом по выходным. А я приносила в дом очередную бесполезную безделушку и ставила её на полку, словно это могло превратить мою квартиру в настоящий дом.

После двенадцатичасовой смены ноги гудели, спина ныла. Но сегодня мне удалось убедить одну расфуфыренную дамочку потратиться на лечебный корм для её больной британки и объяснить другой, гораздо проще выглядящей покупательнице, что не стоит кормить кота картошкой и макаронами.

Я до сих пор не привыкла к тому, что люди заводят животных, часто дорогих и породистых, но совершенно не представляют, как за ними ухаживать. Многие уверены, что остатки позавчерашнего борща — прекрасная еда для уса-тых-полосатых: «У моей бабушки кот только так питался и дожил до двадцати лет!» А на кого-то наводит ужас слово

«стерилизация», даже если животное — дворняга в десятом поколении: «Что вы, кошка должна рожать! Как можно лишать её радости материнства? А котят я утоплю, да и дело с концом». Иногда это приводило меня в такое бешенство, что хотелось уволиться, но потом я вспоминала, что, если не хочу остаться без крыши над головой, нужно платить за квартиру, и смирялась с неизбежным.

Сейчас немного отдохну, разогрею себе оставшуюся со вчерашнего ужина курицу, поем и посмотрю какой-нибудь сериальчик. А потом спать.

Что я делала по вечерам, когда поселилась в этой квартирке? Приходила с работы, ужинала, смотрела фильмы на ноутбуке или читала и ложилась спать. Мне нравилось быть одной, но ровно до того момента, как воспоминания холодной струйкой начинали вливаться в мозг. В пятницу и субботу шла куда-нибудь в бар, напивалась ровно до того состояния, чтобы суметь дойти до дома на своих двоих, или звала в гости Машу, и мы часами сидели на кухне, потягивая вино, которое она приносила с собой, потому что мне не хватало денег на хоть сколько-нибудь приличную выпивку, болтали, смеялись, строили планы на выходные или отпуск. Утром всё повторялось — работа, дом.

Я часто представляла, как сложилась бы моя жизнь, если бы Гриша остался жив. Он работал в автомастерской и разбирался во внутренностях машин, как бог. Я была уверена, что рано или поздно у него появится свой бизнес, од-

нако Гриша всё чаще говорил, что хочет продать однокомнатную квартиру, доставшуюся в наследство от бабушки, купить дом на колёсах и ездить на нём повсюду. С его внешностью индейца: длинными чёрными волосами, резкими чертами лица, медово-кариими глазами и всегда загорелой кожей — он отлично смотрелся бы и за рулём автодома, и верхом на резвом мустанге. Иногда мне казалось, что Грише стоило родиться в другой стране и лет пятьдесят назад, в эпоху американских хиппи или лондонских панков, но, конечно, в своих мечтах я воображала, что мы проживём жизнь вместе. У нас будет дом — маленький, уютный, стоящий где-нибудь в глуши, с видом на реку или поле. Я рожу парочку, а то и больше громогласных неугомонных детишек, которые будут собирать жучков в траве, гонять по огороду мохнатую дворняжку и тискать полосатых котов.

Гриша не будет стричь волосы даже в восемьдесят, превратится в худого, морщинистого старца с седой бородой и мудрыми глазами. Я заплету косы, заменю короткие платья и юбки летящими длинными нарядами, начну носить бусы из натуральных камней и оттягивающие мочки ушей серьги. Пока хватит сил, мы продолжим гонять на мотоцикле, а потом, когда придёт время, ляжем на кровать, застеленную лоскутным одеялом, возьмёмся за руки и навсегда улетим в мир грёз и видений.

Тело растеклось по креслу, мозг потонул в прошлом. Я уже не чувствовала голода, мне хотелось сидеть с закрытыми

глазами целую вечность, не покидая вымышленного мира, перебирая в памяти воспоминания, любуясь дорогими сердцу образами, придумывая новые истории, которые могли бы со мной произойти. Но за приятными воспоминаниями всегда приходили другие.

Когда шло следствие, я валялась в больнице и не могла пошевелить ни рукой ни ногой. Ко мне приходили милиционеры, со скучающим видом задавали вопросы, словно уже знали, чем закончится дело. Я мало что могла им сообщить, потому что не помнила ни момента аварии, ни ночи накануне. То ли эти воспоминания потонули в недрах сознания из-за выпитого алкоголя, то ли выскочили из головы из-за сотрясения мозга. Разбор показал, что в ДТП виноват Гриша. Суда не было. Страховая компания сделала какие-то выплаты пострадавшей стороне, и вскоре обо мне забыли. Именно этого я и хотела.

Мысли о том, почему всё это произошло, сводили с ума. Я поочерёдно винула себя, мажора на чёрной «тойоте», Бога, в которого не верила, нелепый случай. В тот день, когда я перешагнула порог больницы, оказалась на улице и сощурилась от режущего глаза света, словно вышла из пещеры, я поклялась, что больше никогда не буду об этом думать. Но у меня не получилось.

Телефонный звонок вывел из транса. Звонила Маша. Она напомнила, что завтра с утра мы собирались съездить в приют для животных. Вот чёрт, я совсем забыла о том, что по-

обещала ей наконец-то приобщиться к спасению брошенных собак! На днях кто-то оставил там, прямо у входа, картонную коробку с шестью крошечными щенками. В переполненном приюте они могли сразу подхватить какую-нибудь инфекцию, а денег на лечение, как всегда, не хватало. Поэтому им нужно как можно быстрее найти настоящий дом и любящую семью. Маша собиралась пофотографировать щенков, чтобы потом попиарить их в соцсетях, а я обещала составить ей компанию. «Зайду за тобой в десять», — попрощалась подруга.

Глава 3

Приют находился за городской чертой, недалеко от кладбища, прямо посреди раскинувшегося во все стороны луга. На горизонте не было видно ни одного деревца, но запах июньских трав и полевых цветов придавал этому месту пасторальное очарование. Через высокий глухой металлический забор доносился не прекращающийся ни на мгновение собачий лай. Мы с Машей зашли внутрь и сразу наткнулись на Ирину Николаевну — бессменного директора этого заведения.

Невысокая худенькая женщина с обветренным и покрытым морщинами лицом сновала от одной будки к другой. Тут она потрепала за ухом огромного мохнатого пса, чья кудрявая свалывшаяся в колтуны шерсть была совершенно непонятного цвета, там проверила надёжность крепления цепи крупной овчарки, рвущейся на свободу. Маша коротко познакомила меня с этой улыбчивой и подвижной женщиной: «Никогда не унывает и не опускает рук, настоящая хозяйка приюта!» Для Ирины Николаевны каждый из здешних питомцев был родным и особенным, хотя постояльцев была тьма: больше двухсот собак и около ста кошек. Я поразилась её выдержке и оптимизму. Деньги из городской казны выделялись только на зарплату скромного штата сотрудников и отлов агрессивных особей, на всё остальное: корма, ремонт и

строительство будок, лечение заболевших животных — шли пожертвования.

Моё внимание привлекла старая рыжая собака с почти белой от седины мордой. Она не лаяла и не прыгала на сетку, как остальные. Просто сидела возле будки и смотрела на проходящих людей. Спокойно, терпеливо, будто ждала кого-то конкретного.

— Это Лада, — заметив мой взгляд, сказала Ирина Николаевна. — Уже четвёртый год здесь.

— Четвёртый?

— Хозяин умер. Соседи привезли. Хорошая собака, умная. Только взрослые никому не нужны, все щенков хотят.

Лада медленно поднялась и подошла к ограждению. Я просунула пальцы через сетку, и она осторожно ткнулась в ладонь прохладным носом. От этого доверчивого жеста внутри вдруг защемило сильнее, чем от всего увиденного за сегодняшний день.

Большинство собак и зимой и летом жили на улице. Кто в будках, кто в вольерах. Некоторым везло: сотрудники приюта и волонтеры выгуливали их в специально отведённом месте, но многие годами сидели взаперти или на привязи с одной-единственной надеждой — что их когда-нибудь заберут в настоящий дом. В помещении находились больные животные, щенки и кошки. Именно там, в отдельном закутке поселились наши подкидыши — шестеро чёрных с рыжими подпалинами щенков, похожих на такс.

— Вот они, мои маленькие, — ласково сказала Ирина Николаевна, присев на корточки. Один из щенков тут же подскочил к ней и попытался запрыгнуть на колени. — Пока всё хорошо, здоровенькие. Машунь, ты фотай давай.

Маша расчехлила чёрный «Кэнон», щёлкнула настройками и, присев как можно ниже, начала съёмку. Потом тяжело вздохнула и сообщила, что нужно вынести щенят на улицу, тут, мол, слишком темно. Мы взяли каждая по два извивающихся чёрных комочка и отправились наружу.

Визит в приют стал для меня непростым испытанием. От такого количества бездомных, брошенных, неоднократно преданных людьми животных сжималось сердце. И щенков, и котят часто подбрасывали к воротам приюта в какой-нибудь коробке — и в жару, и в стужу, иногда просто перекидывали по одному через забор. Кого-то привязывали к столбу в малолюдном месте и уезжали, у кого-то умирали хозяева, и ненужные родственникам питомцы оказывались на улице.

Когда-нибудь у меня будет свой дом, и я стану достаточно сильной и смелой, чтобы забрать отсюда живое существо, буду любить его, заботиться и перестану бояться, что оно умрёт у меня на руках, разбив мне сердце.

— Серёга! — завопила вдруг Маша и кинулась в сторону. Через минуту она уже висела на шее парня, который с трудом удерживал в руках две огромные упаковки собачьего корма. Я удивлённо подняла бровь. Это ещё кто такой?

Подруга подвела к нам гостя.

— Знакомьтесь, это мой братик. Сергей. Он привёз немножко еды для наших собачуль.

Братик?! Пока Ирина Николаевна бурно выражала признательность нежданному визитёру, я пыталась справиться с шоком.

Сначала я увидела только худую фигуру в светлой рубашке. Потом мужчина повернулся вполоборота, и сердце сбилось с ритма, замерев на долю секунды.

Нет. Этого просто не могло быть.

Знакомая линия подбородка. Улыбка в изгибе губ. Те самые глаза за очками.

Июньская жара схлынула, и воздух вокруг стал ледяным. Из тысяч людей, живущих в этом городе, я встретила здесь, среди собачьего лая, будок и запаха свежескошенной травы, именно его. Этого красавчика в идеально отглаженных брюках, который кормил меня завтраком на кухне после того, как мы познакомились в клубе и провели ночь в моей квартире.

Кое-как устроив эмоции, я поздоровалась. Узнал ли он меня? Да уж наверняка. Мне почти стыдно. Что я скажу Маше?

Щенки, как по команде, рванули к новому посетителю. Он присел на корточки и, не смущаясь того, что грязные лапки оставляют метки на его чистых брюках, принялся трепать их уши, гладить каждого по очереди и приговаривать что-то ласковое. Когда подруга всё-таки закончила фотосессию, а я

выгуляла пару резвых псов, мы попрощались с Ириной Николаевной и пошли на выход. Сергей пообещал подбросить нас до дома.

Он не спеша вёл блестящий синий сандерик, не новый, но идеально чистый внутри и снаружи, по щебёночной дороге. Я почему-то сидела спереди, рядом с ним, а сзади Маша не переставала щебетать.

Она благодарила брата за приятный сюрприз: «Ну наконец-то, достучалась до вечно занятого Серёги! Лиль, я ему каждый раз про приют рассказывала, слезу давила, просила помочь. Но ведь мы же суперзаняты, нам некогда отвлекаться на всякую ерунду, нас пациенты ждут с утра до ночи. Вот уж не ожидала, что он именно сегодня заявится. Спасибо-преспасибо тебе, благодетель ты наш!» А я всё не могла понять, как же так случилось, что я никогда не видела брата своей лучшей подруги вживую, лишь мельком на фотографиях, а главное, почему именно с ним мы познакомились той ночью при таких неловких обстоятельствах.

Я снова почувствовала его запах: лёгкий, свежий, манящий. Захотелось уткнуться лицом в его тёплое плечо и дышать легонько, еле слышно. Его присутствие ощущалось так интимно, как будто он касался меня. Руки уверенно и без напряжения лежали на руле, он слегка постукивал по пластику длинными изящными пальцами в такт доносящейся из динамика тихой музыке и молчал как партизан.

Маша вышла из машины около своего дома, Сергей при-

обнял её на прощание и вернулся за руль. Я жила в паре кварталов, и ближайшие несколько минут мне предстояло провести с ним наедине. Выруливая к моему дому, Сергей наконец посмотрел на меня и хитро улыбнулся.

— Забавно вышло. Не знал, что ты Машкина подруга.

— Вот уж действительно. Я тоже не знала.

— Выглядишь отлично. Гораздо скромнее, чем ночью, и гораздо свежее, чем утром.

Я закатила глаза, а он расхохотался. Смех его был таким заразительным, что я тоже улыбнулась.

— Ты извини, что я тебя тогда вытолкала и даже спасибо за завтрак не сказала. Я порядком набралась накануне.

— Можешь не рассказывать. Я тебя практически на руках в квартиру занёс, хорошо хоть, что ты адрес сообщила и ключи достала. Да, и разделась сама. Легла в кроватку и так сладко засопела.

Я не поверила своим ушам.

— То есть То есть у нас ничего не было?

— Я, знаешь ли, не любитель бесчувственных тел.

Незаметно мы подъехали к моему дому. Я кивнула в знак благодарности и вышла из машины.

— Пока, может, ещё увидимся! — крикнул он и плавно поехал прочь, снова не попросив мой номер телефона.

— Маша! — заорала я в трубку, едва захлопнув дверь квартиры. — Я должна тебе кое-что сказать. Точнее, спросить. Как так вообще получилось, что я познакомилась с тво-

им родным братом, но не знала, что это он?

— Ты о чём?

— Я его подцепила месяц назад в «Жиrafe», и мы

— Да ладно! Серёга был в клубе? Да ещё и в нашем? Стоп. Ты что, спала с моим братом?

— Нет, мамой клянусь! Он переночевал у меня, но говорит, что ничего не было. Я знатно перебрала в тот вечер и отключилась. Сегодня у меня был шок. Что это ещё за сюрпризы такие? Ты нарочно его позвала?

— Лиль, ты о чём? Мы с Серёгой видимся только по великим праздникам. А тут — не знаю. Ну да, я говорила ему, что по субботам в приют езжу, но кто ж предполагал?

— Рассказывай давай. Я про него вообще ничего не знаю. Вдруг ещё встретимся, неудобно будет.

— Тебе братишка мой понравился, что ли? — Маша рассмеелась, как будто её озарила невероятно удачная идея. — Так не зря. Он классный. Двадцать восемь лет. Кардиохирург, людей от смерти спасает. С головой в работе. И красавчик, скажи же? Не женат. Правда, деваха у него есть, но она не стенка. Слушай, я всё придумала

— Маш, притормози. Он мне не понравился и вообще не в моём вкусе. Я просто так спросила, на всякий случай. Давай, мне надо в магазин сходить. Пока. Увидимся ещё.

Я резко нажала «отбой», не желая слушать продолжение её фантазий. Тут никаких вариантов. Где я — продавец в зоомагазине, и где он — врач, как его там, кардиохирург. И

девушка у него есть.

Подошла к окну и отодвинула занавеску. Во дворе играли дети, возле подъезда две пенсионерки обсуждали кого-то из соседей, а жизнь вокруг текла как обычно. Только у меня внутри всё вдруг перевернулось.

Я рухнула в кресло. Мысли скакали в голове, как бешеные кенгуру. Десять минут назад у меня в животе разливалось топлёное масло, а мозг превратился в воздушную сахарную вату. Сейчас внутренности сжались в ледяной комок, холод сковал конечности. Почему я чувствовала, что недостойна его? И как выкинуть из головы эту нелепую историю?

Глава 4

День не заладился с утра. Сначала я чуть не проспала работу. Не успев позавтракать и выпить кофе, я, как попало одетая и ненакрашенная, помчалась в магазин, моля о том, чтобы напарница не повторила мой проступок и открылась вовремя. Иначе у входа могут столпиться недовольные покупатели, или начальник вздумает позвонить, чтобы выдать какие-нибудь инструкции. С этим обошлось, однако дальше было не лучше. Я ошиблась, рассчитывая клиента, экспедиторы не привезли давно заказанный товар, а Лена всё ещё дулась на меня за то, что я отказалась подменить её в субботу и не упустила случая насладиться моими мучениями.

— Что, тяжёлое утро? — пропела она с таким участием, что захотелось швырнуть в неё калькулятор.

— Нормальное.

— А выглядишь так, будто тебя трактор переехал.

Я закатила глаза и машинально пригладила волосы.

Всё воскресенье я запрещала себе думать о Сергее. Стоило памяти услужливо подбросить его улыбку или голос, как я тут же переключалась на что-нибудь другое: книгу, уборку, готовку. Но мозг предавал меня. Он упорно возвращался ко мне к синему «Сандеро», длинным пальцам на руле и смешинкам в уголках голубых глаз.

К двенадцати дня мой желудок отчаянно забурлил, требуя

еды. Но только я собралась нырнуть в подсобку, чтобы выпить кофе с печенюшками, как открылась дверь и прозвенел колокольчик. Мельком глянув на нового клиента, я намерилась продолжить свой путь, однако тут же остановилась как вкопанная. Это был Сергей.

— Здравствуйте, — произнёс он с лёгкой улыбкой, и Лена, оторвавшись от телефона, заинтересованно выплыла ему навстречу.

Сергей же, словно не замечая её, шагнул в мою сторону и сказал:

— Два больших пакета самого дорогого корма для собак. В субботу поедем, отвезём в приют.

Он говорил негромко и без пафоса, напротив, со слегка смущённой улыбкой, но я почувствовала, как в груди заклокотало. Подайте ему два больших пакета самого дорогого корма! Что за мажорские жесты? Хочет показать мне, какой он крутой? А я должна его обслужить по высшему разряду?

Молча, с гримасой услужливости на лице, я выдала товар, выбила чек и отчеканила дежурную фразу: «Спасибо за покупку, приходите ещё!» Сергей слегка опешил, а потом перегнулся через прилавок и шёпотом попросил: «Пойдём покурим».

Направляясь к чёрному выходу под удивлённо возмущённый взгляд Лены, я подумала, что сейчас всё ему выскажу прямо в лицо.

На улице, стоя под кроной раскидистого тополя, я с нетер-

пением закурила и, выдыхая дым ему в лицо, резко выпалила:

— Зачем ты пришёл?

— Я хотел купить корм для собак. И увидеть тебя. То есть увидеть тебя и купить корм. — Сергей смотрел на меня из-под очков честными-пречестными глазами пионера.

— Зачем ты хотел увидеть меня?

Он замолчал, провёл рукой по волосам, пытаясь их пригладить, но они ещё сильнее разлохматились, падая на виски и лоб лёгкими блестящими прядями. Замешкался. Ха, не готов ответить прямо на прямой вопрос?

— Честно? Я вспоминал, как обнимал тебя в ту ночь, на твоём матрасе, когда ты спала. Мне хочется это повторить, но только сначала...

Когда до меня дошёл смысл сказанного, я почувствовала жар сначала на коже лица, потом внизу живота. Бурная реакция собственного тела окончательно меня взбесила. Он думает, что я сейчас же брошусь ему на шею?

— Ты пришёл, чтобы сказать, что хочешь затащить меня в постель? Японский бог, с чего ты вообще решил, что можно вот так мне об этом говорить? Да пошёл ты! Слышишь, никогда больше сюда не приходи! Через два дома по улице есть другой зоомагазин. Проваливай, мачо хренов! Корм свой дорогой только не забудь.

Я растоптала окурки и бросилась прочь.

До самого окончания смены я не могла выбросить из го-

ловы эту сцену. Его голубые глаза за стёклами очков потемнели, на лице появилась маска отстранённой вежливости: «Ладно, прости». Я успела поймать себя на мысли, что хочу снять с него эти стёклышки и как следует разглядеть его без защиты. Станет ли он выглядеть глупее и некрасивее?

Я не могла разгадать этого парня. Мне были хорошо знакомы мужчины, которые ценили в женщине прежде всего внешность, потом повадки и иногда характер, но никогда то, что лежало глубже: ценности, желания, мечты, цели. Именно с такими мужчинами я привыкла встречаться — недолго и без обязательств. Их даже не нужно было отшивать, стоило лишь показать, что ты не полная дура, и они улетучивались сами собой.

Сергей был из другого теста. В нём чувствовалось умение заботиться — ненавязчиво и по доброму. Я не сомневалась, что он был отличным врачом. А ещё, несмотря на достаточно щуплую комплекцию, он казался мне сильным, спокойным и цельным. Прекрасный экземпляр, чтобы влюбиться. Но мне не нужна любовь. После Гришиной смерти я никого не подпускала близко, потому что просто не могла себе позволить снова пережить потерю, которая разрубит меня на куски. Так что этого странно возникшего в моей жизни мужчину я отправлю туда, где ему самое место: в зону забвения.

Музыка вибрировала в каждой клетке моего тела. Голова была пустой. Я двигалась, наслаждаясь потоком энергии, ко-

торая наполняла меня, и мечтала только о том, чтобы это не кончалось. Я любила себя. Мне было плевать на всех вокруг, я никого и ничего не видела, я была свободна и прекрасна, мне хотелось плакать от счастья. Не было ни страхов, ни сомнений, ни боли.

Почувствовав, как пот стекает тонкой струйкой по спине, я решила, что нужно немного остыть и глотнуть свежего ночного воздуха. Прокричала сквозь музыку Маше, сидящей за столиком, что выйду проветриться, и нетвёрдой походкой направилась к выходу. Сегодня я зачем то надела вместо любимых белых кроссовок на толстой подошве босоножки на высоком каблуке. Сохраняя хрупкий баланс между опьянением и способностью держаться на ногах, я плавно зашагала по крутой лестнице, ведущей из подвала наверх.

Снаружи царила блаженная прохлада. Я прислонилась плечом к стене здания, с наслаждением закурила, плясь на два высоких фонаря, испускающих противный мертвенно-белый свет. Чёрт, у меня двоится в глазах! Похоже, пора закругляться и отправляться домой.

— Привет, красавица, — услышала я негромкий голос где-то прямо за затылком. Оборачиваться не стала, постоит и уйдёт. Но тот, кто это сказал, уходить не собирался.

— Пойдём, я угощу тебя шампанским. — Я почувствовала крепкий сладковатый запах свежего водочного перегара у самого лица.

Я ходила в «Жираф» уже много лет и знала почти всех

его посетителей, но этот мужик был мне незнаком. Приземистый, широкоплечий, бритоголовый, со сломанным когда-то носом и узкими глазами щёлчками. В джинсах и спортивной куртке. Не бандит и не гопник, но явно какой-то маргинал. Кажется, он весь вечер сидел за столиком в углу с двумя очень похожими на него друзьями.

— Нет, спасибо, — как можно твёрже ответила я и отвернулась. Тип не удовлетворился. Бывают случайные знакомства, которые начинаются с пьяной банальности или даже потасовки, но потом неожиданно перерастают в искренний обмен любезностями и дружбу на пару загульных часов. Но сегодня был явно не тот случай.

— Ты чего такая грустная? Пойдём, я тебя угощу чем захочешь! С братанами своими познакомлю, потанцуем, туда-сюда.

— Чувак, ну нет, сказала же. — Я всё ещё пыталась не нарываться на неприятности.

Тот не понял. Медленно, но уверенно взял меня за локоть крепкой хваткой.

— А может, ты в сауну хочешь? Так поехали.

Я дёрнула рукой. Он только зашикал и хрипло рассмеялся. Мне это совсем не понравилось. Я начала озираться по сторонам, ища помощи. Как назло, вокруг никого не было.

— Пусти! Какого хрена? Я тебе сейчас лицо расцарапаю.

— О-хо-хо, да ты девочка с характером! Я таких люблю!

Он слегка шибанул меня под дых, перекинул через плечо

и понёс за угол. Сейчас он бросит меня на заднее сиденье машины, заблокирует двери, и мне не выбраться. Страх не было, я чувствовала только ярость, орала, дрыгала ногами и колотила кулаками по широкой каменной спине. Но лысый не сдавался.

— Сука! Отпусти её быстро! Я звоню ментам!

Нас догоняла Маша, похожая со своей развевающейся рыжей шевелюрой и перекошенным от злобы лицом на Медузу горгону.

Мой похититель остановился так резко, что чуть не уронил меня, и развернулся. Я не видела его лица, но готова была поклясться, что оно вытянулось от удивления. Маше он дышал в пупок, а её ярость была способна прожечь насквозь. Мужик попятился, потом бросил меня на землю, как мешок с картошкой, и скрылся за поворотом.

— Лиля, господи, что случилось?

Маша помогла мне подняться и отряхнуться. Я в двух словах описала своё неудавшееся похищение.

— Господи боже мой, быстро домой! — скомандовала она, и мы, взявшись за руки, со всей мочи побежали прочь.

В груди клокотал истерический смех. Ещё чуть-чуть, и я задохнусь от бешеной гонки. Нет, это надо было видеть! Маша напугала грозного бандита одним своим видом! В следующую секунду я почувствовала, как левая нога, не выдержав высоты каблука, подворачивается подо мной. Ещё не понимая, что происходит, я увидела серый тротуар прямо у лица

и слышала сухой хруст. А потом — темнота.

Когда я разлепила глаза, было уже светло, насколько бывает светло в моей наглухо зашторенной комнате. Я купила эти портьеры из дешёвой сине-зелёной ткани только потому, что они практически не пропускали солнечные лучи. Так же сумрачно всегда было в спальне Гриши, и для меня это был акт воздаяния, как и многое другое в моей жизни: книги, которые читал он, музыка, которую слушал он, фильмы, которые смотрел он. Мне слишком хотелось вернуть из прошлого хоть что-то, хотя бы какие-то незначительные детали и приметы, чтобы почувствовать: это было, я помню, я сохранила частицу себя.

Значит, наступило утро. Следующим ощущением была пронзительная боль в правом колене. Я вскрикнула от неожиданного и подлого удара, который мне нанесла собственная плоть. И тут же вспомнила, что накануне лысый гад пытался утащить меня из «Жирафа», а Маша бесстрашно отвоевала меня у врага. Потом мы бежали в сторону дома по тротуарной плитке, и, разумеется, заплетающиеся ноги сыграли со мной злую шутку. Я шмякнулась со всей дури прямо на землю. И кажется, сломала ногу. Маша, понятно, дотащила меня до квартиры, благо это было недалеко, и даже, судя по тугой повязке, забинтовала мне колено. Но всё это я помнила довольно смутно. Как будто телепатически узнав, что я проснулась, она тут же позвонила.

— Привет, ну как ты?

— Хреново.

— Как нога?

— Болит. И распухла. Боже, это какой-то ад.

— Так, я вызываю скорую. Тебе нужно в больницу!

— Нет! Ни в коем случае. Я никуда не поеду. Маша, я тебя заклинаю всем, что тебе дорого, ради нашей дружбы, никаких скорых! Я не поеду в больницу. Ни за что. Просто полежу пару дней в постели, и всё пройдёт.

— Окей. Я к тебе зайду попозже, хоть покормлю. А ты отдыхай пока. И не вставай! Вдруг перелом.

Как-то слишком легко и быстро она со мной согласилась — это совершенно не похоже на Машу. Но развить мысль о том, в чём именно тут может быть подвох и что задумала подруга, я не смогла. Слишком трещала голова — кажется, я и ею успела приложиться. Только не больница, молила я про себя. Никогда больше...

Я помнила своё неподвижное тело, закованное в корсет, под тонким и колючим одеялом, невозможность пошевелиться, зудящую кожу, горько-солёные слёзы бессилия. И боль. Когда заканчивалось действие обезболивающих, она раскалённым стальным штыком прошивала позвоночник, добираясь до кончиков пальцев, впивалась в мозг острыми когтями, разрывала на части внутренности. В такие моменты мне казалось, что я вся состою из боли, которая никогда не закончится.

Шло время, менялись формы врачебного насилия: анализы, осмотры, операции, уколы, капельницы, таблетки. Каждая манипуляция вызывала у меня приступ страха: я сжималась в ожидании удара, и он не заставлял себя ждать. Боль возвращалась, и надежды на то, что однажды она, наигравшись, покинет моё полуживое, истерзанное тело, уже не оставалось. Мне повезло в одном: мой лечащий врач, Игорь Семёнович, сумел внушить уверенность, что однажды я смогу ходить. Черты его лица почти стёрлись из памяти, но, клянусь, я узнала бы даже в толпе его грузную сутулую фигуру, большие мягкие руки и упрямый взгляд прозрачных серых глаз.

Когда он велел мне встать с кровати в первый раз, я сначала рассмеялась, а потом скорчилась от боли и слабости.

— Дерзай, чадо! Прощаются тебе грехи твои. Встань, возьми постель твою и иди в дом твой, — решительно процитировал он Евангелие.

Я откинула одеяло, поправила задравшуюся до пояса тонкую ситцевую застиранную почти до дыр ночнушку и посмотрела на свои ноги: бледные, худые, мёртвые. Страх накатил с новой силой, я зарыдала, а потом, стиснув зубы, ступила на пол.

Но Игорь Семёнович оказался прав. Вскоре я уже сама ходила в туалет, с трудом, но передвигалась по крашенным в казённый голубой цвет коридорам, сидела на разбитом ледяном унитазе, курила в форточку в захламлённой камор-

ке вместе с толстой медсестрой, а потом оказалась там, где всё по-другому. Я просто хотела перестать жить и чувствовать боль. Сделать шаг и оказаться в пустоте. Поэтому ukrала таблетки из шкафчика у старшей сестры и выпила целую горсть.

Я подвела Игоря Семёновича, который верил, что его поломанная пациентка — настоящий боец и сумеет справиться со всеми испытаниями. И только у него я мысленно попросила прощения, делая последний глоток тёплой, отдающей хлоркой воды из-под крана.

Сдохнуть мне не дали. Я просто оказалась в другой больнице. Те же бело-голубые стены, тот же холодный пол, те же неприветливые медсёстры и торопливые врачи призраки, то же невыносимо тягучее время. Только там была обитель мрака, а не надежды, и мне казалось, что я никогда не покину этих стен. Сизый, плотный туман клубился в голове день и ночь, я почти перестала есть, потому что не чувствовала вкуса еды, и спать, потому что меня начали мучить кошмары. Сколько бы меня ни пичкали таблетками и уколами, лучше не становилось.

Один и тот же сон повторялся всё чаще и чаще, но я до сих пор не могла привыкнуть к нему. Пустая трасса, чёрный свежеуложенный асфальт. Я — за рулём синей «Хонды», сзади сидит Гриша, и мы мчимся со скоростью света вперёд, не замечая мелькающих по сторонам домов, деревьев, полей. Я жму на газ, и от бешеной радости сердце бьётся так сильно,

что вот-вот выпрыгнет из грудной клетки. Я всё могу, кажется, стоит поднажать, и мы взлетим в синее-пресинее небо. Но вдруг дорога обрывается, и мотоцикл летит в пустоту. Я слышу полный ужаса крик за спиной, но ничего не могу поделать. Ещё секунда, и мы разобьёмся.

Глава 5

Я резко проснулась и не сразу поняла, что кошмар закончился. Лязгнул дверной замок. Пришла Маша, потому что только у неё были ключи от моей квартиры. В коридоре слышался её шёпот. Зачем она разговаривает сама с собой? Тут же я распознала шарканье ещё одной пары ног. Что это значит?

В комнату робко заглянула рыжая шевелюра. Это на неё не похоже, она всегда врывается в любое пространство, как ураган. Следом зашёл Сергей.

Я просто оцепенела, снова увидев его голубые глаза за очками. Он не улыбался и был одет в светло-серый спортивный костюм, как будто приехал сюда прямо с пробежки.

— Привет, — по-деловому коротко поздоровался он и без разрешения присел в ногах прямо на мой матрас.

— Что здесь происходит? — Голос вернулся ко мне.

— Лиль, ну ты же сказала, что не хочешь в больницу. Поэтому я вызвала к тебе доктора Серёжу. Не дай бог, перелом или там разрыв мениска, это же кирдык, сама понимаешь. К тому же ты сказала, что у тебя всё опухло.

— Маша! Это твоя голова опухла! Какого чёрта ты его притащила?!

Сергей тут же откликнулся, не поднимая взгляда от моей ноги, которую успел освободить от одеяла.

— Я сам пришёл. У меня сегодня выходной. Считай, что тебе повезло.

— Лиль, — виновато вставила словечко Маша, — он хирург — то, что нужно. Я же не психиатра тебе привела.

— Вот уж спасибо! Как знала!

Подруга удалилась на кухню и начала демонстративно греметь посудой. Судя по всему, мыла колбу от кофеварки и искала в холодильнике, что бы приготовить на обед.

Я снова почувствовала запах Сергея с едва уловимой ноткой пота. Сколько же можно? Почему это вообще происходит? Я лежу, еле живая, с фингалом на пол-лица и ногой, которую прошивает острой болью при малейшем движении, но готова жадно обнюхивать моего случайного-неслучайного гостя. Более того, мне захотелось вцепиться в эту его идеально чистую и наверняка мягкую на ощупь олимпийку, чтобы узнать, как он отреагирует: оттолкнёт меня или прижмёт к себе. Ну точно, у меня и с головой не всё в порядке.

— А-а-а! — взывала я, когда Сергей аккуратно прошёлся пальцами по моему колену.

Не знаю, что он увидел и ущупал, но после тщательного осмотра обеих ног вынес вердикт:

— Перелома нет, просто сильный ушиб. Я сейчас нанесу мазь и хорошо забинтую. Тебе нужен покой как минимум на неделю. Может, всё-таки врача вызвать? Больничный нужен?

— Нет, справлюсь как-нибудь.

Он порылся в небольшой сумке, пристёгнутой к поясу, и достал баночку с мазью, эластичный бинт, ампулу и шприц.

— Эй-эй, это что ещё за фигня?

— Кетонал, поможет снять боль.

Я как замороженная следила за его отточенными движениями. Сначала он, едва касаясь, нанёс на кожу мазь, подождал, пока она немного впитается, потом ловко перебинтовал колено. Затем распаковал шприц, вставил иглу, вскрыл ампулу, приготовил кусочек пропитанной спиртом ваты. Придвинулся ближе, приспустил мои пижамные штаны и аккуратно повернул меня на бок. Я зажмурилась, понимая, что сбежать не получится. Даже чтобы сползти с матраса, понадобились бы невероятные усилия. Однако, когда открыла глаза, оказалось, что всё уже закончилось. Сергей снял иглу со шприца.

— Готово. Сейчас мы все попьем кофейку, и я вернусь в спортзал.

— Спасибо. Мог бы и не приходить.

Сергей посмотрел мне в глаза, словно впервые видел.

— Я не понял: всё-таки спасибо или я зря пришёл?

Как же он меня бесил! С самого начала. Но я стиснула зубы ради Маши, которая почему-то радостно шуршала на кухне и, кажется, даже что-то тихонько напевала.

— Всё-таки спасибо.

— В туалет хочешь? Пойдём провожу.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но очередной спазм

внизу живота не оставил мне никакого шанса. В конце концов, он врач, а я сейчас его пациент. Как говорится, ничего личного. Кивнула.

Он обхватил меня под мышки, и я на короткий миг прильнула к его груди. Слишком громко вдохнула всем носом и почти заулыбалась, ощутив тот самый — свежий, необыкновенно вкусный — запах. Грейпфрут. Хвоя. Тёплая кожа. Удивилась, как ловко и быстро он придал мне вертикальное положение и, поддерживая с одной стороны, велел не наступать на больную ногу. Мы доковыляли до туалета слишком быстро. Я всё-таки успела вцепиться в его кофту и почувствовать под ней сухощавую грудную клетку и выпуклые мышцы рук. Унитазом я воспользовалась самостоятельно, обошлось без позора. Колено, к счастью, не сгибалось совсем — такая тугая повязка была на него наложена.

Справившись с делами, я поднялась на ноги. Сергей тут же открыл дверь и снова обнял меня, чтобы сопроводить до постели. В эту же минуту из кухни вернулась Маша, сияя, словно именинник на дне рождения.

— Еда готова!

Она усадила меня поудобнее, подложив подушки под спину, и принесла в комнату три чашки свежесваренного кофе, а также тарелку со сложносочинёнными бутербродами: хлеб, сыр, кружочки помидора и ломтики варёной колбасы. На ещё одной тарелке обнаружились абрикосы, черешня и мои любимые кексы с черникой из соседней кондитерской.

Я ела, смотрела на эту странную парочку, ворвавшуюся в мой дом без приглашения, и не могла понять, почему мне стало так хорошо. Наверное, действовало обезболивающее.

На следующее утро боль уже не металась по всей ноге, отдавая то в пятку, то в бедро, а свернулась клубочком в районе колена и обрела чёткие чёрно-синие контуры здоровенной шишки. Ссадины на голени и локтях перестали противно ныть и подёрнулись тонкой твёрдой корочкой. На правой щеке по-прежнему красовался синяк.

Я провела на матрасе больше суток, периодически вставая, чтобы доковылять до туалета или кухни, но мне давно не было так хорошо. Я никуда не рвалась и ничего не хотела, затаилась, притихла, прислушиваясь к себе. Где-то внутри я обнаружила странное ощущение. Оно постепенно усиливалось, и мне хотелось разгадать, что это, откуда взялось и во что превратится. Какая-то крошечная затаённая радость, которая металась, как яркая искорка, из одного уголка души в другой, щекотная, задорная, готовая вот-вот выпрыгнуть наружу и рассыпаться разноцветными блёстками.

Поздно вечером раздался звонок в дверь, я, как могла быстро, вылезла из постели и, хромая, направилась к двери. Мельком взглянув на себя в зеркало, отметила, что смотрюсь гораздо лучше. Волосы вымыты и причёсаны, вместо старой пижамы — лёгкое домашнее платье на тонких бретелях. Нет,

я не выглядела так, словно кого-то ждала и к чему-то готовилась, просто немного привела себя в порядок. Показав язык своему отражению, я открыла дверь.

На пороге стоял Сергей. Не знаю, что случилось с моим лицом, но я не смогла ни улыбнуться, ни изобразить радости. Коротко поздоровалась, пропустила его внутрь, обхватила себя руками, вдруг захотев снова оказаться в бесформенной пижаме. Я чувствовала себя беззащитной перед ним, и это пугало.

— Зачем ты это делаешь? — спросила я, не глядя ему в глаза. — Мог бы Маше сказать, что тебе некогда. У тебя пациенты. Им гораздо нужнее твоя помощь, чем её велико-возрастной ненормальной подруге, которая просто-напросто растянулась на асфальте по пьяни и ушибла коленку.

Он разулся на пороге, помолчал, а потом хмыкнул:

— Всё не могу привыкнуть к твоей манере говорить в лоб неприятные вещи. А ещё понять: ты только меня терпеть не можешь или всех людей вообще?

Я надулась и отвернулась, успев почувствовать, как внутри зашевелилась давно позабытым червячком совесть. «Посмотри на его уставшие, покрасневшие глаза и зажатые плечи, — забубнила она. — Он после рабочего дня припёрся к тебе, чтобы помочь, а ты снова кочевряжишься. Где твоя благодарность?»

Аккуратно подтолкнув меня к матрасу, Сергей присел рядом и начал осматривать мою ногу. Тёплые руки скользили

по коже, не причиняя боли, но по спине побежали мурашки.

— Отлично. Скоро сможешь бегать. Заживает как на собаке.

— Спасибо за комплимент. — Я хотела улыбнуться и не смогла. Вообще почему-то не могла смотреть ему в глаза. Чувствовала себя прибитой, как доска ржавым гвоздём.

— Это лучше будет, чем мачо хренов, не считаешь? Всё, осмотр закончен. Больше не приду.

Он поднялся, и тут я поняла: сейчас, прямо сейчас нужно что-то сделать. Что-то хорошее и приятное, что-то настоящее, нежное, благодарное, человеческое.

— Из-ви-ни.

Он даже не обернулся. Тогда я скомандовала:

— Присядь-ка. Спинай ко мне. Да поближе!

Он удивился не на шутку, даже глаза округлил, и я увидела перед собой совсем юного мальчика, до одури красивого, любознательного, пытливого, который выбрал свою дорогу и радостно бежит по ней вперёд. Он готов падать и вставать, лишь бы мчаться к мечте, творить, учиться, делать добро, спасать людей не ради громких слов, а потому что верит в это всей душой, только в это и ни во что больше.

Сергей сел, я, стараясь не тревожить колена, придвинулась ближе, положила руки ему на плечи и начала легонько массировать. Он протянул с наслаждением: «М-м-м». Я заставила собраться своё тело, готовое растаять от созерцания его беззащитной шеи, и сосредоточилась на пальцах. За-

стывшие мышцы постепенно расслабились, потеплели под рубашкой. Потом мои руки прошлись вверх, до основания черепа, пробрались под его волосы, поглаживая каждый выступ и впадину, то сильнее, то нежнее. Когда всё было готово, я вытянула губы, чуть подула и едва удержалась от того, чтобы поцеловать его покрасневшую кожу.

— Ну вот.

— Ты ещё и массажист? — обернулся он. В глазах плескалась нега, и мне снова захотелось снять с него эти чёртов очки.

— Ходила на курсы, когда искала работу, давно уже, а потом бросила, всё равно у меня нет медицинского образования, чтобы зарабатывать этим деньги.

— Мне кажется, массажист из тебя лучше, чем продавец.

— Вообще-то я биолог. Окончила магистратуру факультета естественных наук.

Я давно, уже слишком давно не произносила этих слов, потому что раньше, когда произносила, любой собеседник выказывал неподдельное удивление и обязательно спрашивал что-то вроде: «Почему же ты тогда работаешь» В пиццерии. В супермаркете. В зоомагазине. Я сжалась, кажется, даже закрыла глаза, ожидая изумления, насмешки или жалости. Только не от Сергея. Ведь я могла бы быть ему равной: умной, интеллигентной, увлечённой, самоотверженной, преданной науке. Могла бы, но не стала. Как же стыдно, чудовищно стыдно.

А потом я почувствовала, как он прижал мою голову к своему плечу, поцеловал в макушку и сказал: «Какая ты молодец». Без иронии, без издёвки. Ласково. И я поверила.

Кончики пальцев всё ещё горели, когда Сергей встал, распрямил моё ватное тело на матрасе, укрыл ноги одеялом и сказал:

— Ну пока. Если что-то пойдёт не так, пусть Маша позвонит.

Он ушёл, а у меня не было даже сил, чтобы встать и закрыть за ним дверь.

Глава 6

Через неделю я, слегка прихрамывая, вышла на работу. Вырваться из заточения было приятно — я даже обрадовалась, увидев болтушку Ленку, которая тут же набросилась на меня, требуя подробностей моей внезапной болезни. Мне пришлось полностью удовлетворить её любопытство, чтобы высвободиться из вязкой паутины праздного интереса. После обеда напарница, убедившись, что я вполне справляюсь со своими обязанностями, отпросилась домой: «У дочки день рождения, можно я сегодня пораньше?»

Перед прилавком образовалась очередь. Пока я взвешивала полтора килограмма кошачьего корма, упаковывала просший овёс и витамины для шерсти, за спиной покупательницы с недовольной миной нависал квадратный мужик, похожий на бывшего спортсмена. Чуть поодаль девушка с парнем бурно обсуждали, каких рыбок выбрать для аквариума в гостиную, и им явно нужна была моя помощь. Понимая, что не успеваю обслужить покупателей так быстро, как хотелось бы, я с отчаянием услышала звон колокольчиков на входной двери — кто-то ещё зашёл внутрь. Голубая рубашка, светлые волосы, невысокий рост. Помимо моей воли в груди похолодело, а сердце на миг сбилось с ритма.

— Девушка, а можно побыстрее? — пробасил «спортсмен».

Я моргнула. Это был не Серёжа. Мне захотелось выжечь напалмом всю очередь: и этого мужика, и парочку, выбирающую рыбок, и чужого, незнакомого парня, который оказался не тем, кто мне померещился. А потом я разозлилась на саму себя. Что за дурацкое наваждение! И, натянув на лицо резиновую улыбку, я продолжила работать на максимальной скорости, обещая себе, что вечером, после праведных трудов, меня ждёт награда — вечеринка в честь Машиного дня рождения.

Маша — мастер устраивать праздники. В её квартире собирались самые разные люди: от управляющих магазинов и докторов наук до зоозащитников и таксистов. Школьные подруги, бывшие любовники, коллеги, единомышленники, соседи — она отбирала людей каким-то только ей ведомым образом, но все они, что самое удивительное, прекрасно ладили между собой. Иногда я представляла Машу хозяйкой богемного салона в Париже тридцатых годов — сумасбродной, изысканной, артистичной. Под стать ей было и её жилище.

Мне всегда нравилась Машина квартира, там я чувствовала себя расслабленно и уютно. Атос, мохнатый белый пёс ростом с телёнка, смесь алабая и дворняги, каждый раз радостно кидался мне навстречу и, облизав с ног до головы, уже ни на шаг не отходил. Кошка, прозванная Печенькой, напротив, обладала суровым характером и мало кого подпускала близко, могла зашипеть и впиться когтями в ногу не понравившегося ей гостя. Разнокалиберная мебель: диван из «Икеи»,

кресло советских времён, комод с бабушкиной дачи и сделанный вручную на заказ дорогуший журнальный столик — соседствовала с изобилием цветного текстиля. Повсюду валялись декоративные подушки, на полу тут и там встречались тканые и меховые коврики. Стены были увешаны фотографиями разных людей и мест, о которых когда-то писала Маша. Все горизонтальные поверхности были заставлены книгами, свечами, статуэтками, шкатулками. Наличие двух волосатых животных в доме не оставляло шанса чистоте — пух и шерсть были повсюду. Приправа, как обычно шутила подруга.

Однако в этом внешнем хаосе царили гармония и любовь. Я иногда думала, какой мужчина смог бы поселиться в таком жилище, и представляла себе безалаберного обаятельного добряка, большого, сильного и весёлого — такого же, как Маша.

Она любила всё этническое, и сегодня, по случаю её тридцать шестого дня рождения, была устроена индийская вечеринка. Пропадающая если не каждый год, то через год на Гоа Маша наготовила угощения, щедро сдобренного острыми специями: курицу в особом соусе, жареные кольца кальмара, сырно-чесночные лепёшки, какие-то сладкие шарики из манки. Я не запомнила названия всех блюд, но пахло странно. Пряные ароматы имбиря и кардамона смешивались с запахами сандала и нероли, которые источали дымящиеся палочки. Сначала голова немного закружилась, но после па-

ры коктейлей с гоанским ромом, колой и лаймом мне жутко захотелось есть. Смеясь и облизывая пальцы, мы пробовали всё подряд, сидя на диване, полу и креслах в Машинной гостиной. Сама она, в цветастых шароварах и с безумным макияжем на лице, пританцовывала под музыку из болливудских фильмов и зорко следила за тем, чтобы у всех были наполнены тарелки и стаканы.

Из восьми гостей я знала только двух: Машину одноклассницу Карину, маркетолога, и Данила, бородатого программиста, какого-то давнего знакомого. Остальные были разного возраста, пола и внешности, впрочем, уже через час все общались, как добрые приятели.

Я подарила Маше яркую брошь ручной работы: золотистая сова с огромными зелёными глазами и ярко-красным оперением, как мне казалось, отлично впишется в её гардероб. Подруга приняла её с восторгом, впрочем, она была не способна обидеть никого из гостей кислой миной.

Когда моя голова поплыла от сытости, опьянения, музыки и одурманивающих экзотических ароматов, раздался звонок в дверь. Радостная Маша бросилась к двери, даже не задумавшись о том, кто может прийти без приглашения.

— Да ладно? Цветы от братишки? В кои-то веки? Проходи, что ли, гостем будешь!

— Я буквально на минутку.

Звук этого голоса прошёл меня по позвоночнику. Спрятаться! Под стол. Но стола нет. На балкон? Не успею! Я су-

дорожно начала шарить глазами по комнате, готовая залезть в шкаф или под кровать. Что, чёрт побери, здесь делает Сергей?! Ах да, он же её брат!

В последний раз, когда мы виделись, всё было чудесно, мило, дружелюбно. Он помог мне с больной ногой и даже умудрился завоевать моё доверие, почему же сейчас я ударилась в панику? Хочу его видеть и боюсь этого больше всего на свете. Но времени на раздумья не было.

Через минуту в комнату, полную народа, ничего не замечающего и ни на что не реагирующего, зашёл Сергей. Поняв, что бежать некуда, я посмотрела на него и увидела только глаза. Во что он был одет, что он сказал гостям, с кем поздоровался за руку, кому кивнул, что вручил Маше — все детали потонули в сизом тумане, словно в комнате, как в тамбуре вагона, было плотно накурено. Сергей коротко бросил мне: «Привет». Уселся на подушку на полу напротив. Принял из рук Маши стакан с соком.

Я бросилась на балкон. Почему я не подумала о том, что он может быть здесь? Возможно, потому, что не видела его ни на одном Машинном дне рождения? Или потому, что до сих пор не могу осознать близкого родства этих двух совершенно непохожих людей? Или просто стараюсь гнать подальше от себя мысли об этом человеке? Руки тряслись, когда я пыталась прикурить. Как хорошо, что никто не пошёл со мной. Мне нужно побыть одной, успокоиться и натянуть на лицо привычную маску равнодушия и высокомерия.

Так, подбородок вздёрнут, взгляд расфокусирован, уголки губ чуть приподняты. Мне хорошо, мне наплевать на всех вокруг.

— И никто — мать вашу — никто этого не изменит! — чётко проговорила я в лицо тёплому летнему вечеру прямо с балкона.

Оттуда я пробралась сразу на кухню. Мне всё ещё не удалось убедить своё тело, что ничего особенного не происходит. Ноги не гнулись, пальцы были холодными, словно я засунула их в морозилку, голова кружилась пуще прежнего. Маша как раз раскладывала по тарелкам новые порции вкусно пахнущей курицы. Я не смогу больше проглотить ни кусочка.

— Маш, по-че-му я ни разу не видела твоего брата за сколько мы знакомы? Пять лет? А в последние два месяца постоянно встречаю его везде. Почему?

— Может, дело не во мне? Просто пришло время, — странно ответила она, подмигнула и продефилировала обратно к гостям.

У меня оставалось всего пятнадцать—двадцать минут, хотя я об этом не знала. Мне казалось, вот он, здесь, пришёл ради меня — а не ради своей сестры, — чтобы остаться, а потом в пьяном угаре броситься к моим ногам. Все эти жалкие крохи времени я старалась не замечать Сергея. Изображала флирт с Данилом, лицемерно интересовалась рабочими заморочками Карины. А потом он встал, попрощался и напра-

вился к двери. Разве могла я так просто его отпустить, не насладившись собственным триумфом? Сейчас или никогда.

— Останься. — Я оперлась одной рукой о дверь, не давая ему пройти, а второй хотела было прикоснуться к его груди, но так и не решилась, погладив воздух.

— Мне завтра на работу.

— Ну останься ещё на часок, не больше. — Взгляд моих густо подведённых чёрным глаз, наверняка блесневших после выпитого рома, пытался проникнуть через стёкла его очков, зрачки, мозг и попасть в самое сердце.

Сергей замешкался. Победа! Отошёл от двери, легко улыбнувшись, и вернулся в комнату.

Эта полуулыбка — опять такая же, скромная, почти робкая, но радостная, искренняя — всколыхнула во мне бурю желаний. Хотелось одновременно и стереть её с его лица, и смотреть на неё как можно дольше.

Я включила музыку погромче и погасила верхний свет. Гости заулюлюкали. Комната освещалась лишь светом свечей, пляшущих в причудливых подсвечниках из разноцветного стекла. Протянула руку к Маше, и мы затанцевали. Пара девушек тут же вышла к нам на импровизированный танцпол. Странно, я не чувствовала ни малейшей боли в колене, тело стало гибким, живым, податливым. Горячая густая кровь бежала по венам, как дорогое вино, опьяняя, даря наслаждение. Я смотрела в глаза Сергею, не отрываясь и не гася на лице соблазняющей улыбки. «Только для тебя, я тан-

ую только для тебя», — мысленно шептала я.

Обычно привлечь внимание мужчины, особенно в подобных обстоятельствах, не составляло никакого труда, и мне хотелось проверить: Сергей — такой же, как и все прочие? Я приблизилась, наклонилась, обнимая его за плечи, не переставая двигаться под музыку, и взяла за руки. Его ладони были горячими и влажными. Я почувствовала силу и нежность, а ещё лёгкие электрические разряды, которые проникали под кожу, неслись вверх по венам и взрывались огненными вспышками в самом сердце. Отдёргнув руки, чтобы не обжечься, я замерла на месте. Он не встал, не принял приглашения, не разделил со мной танец, чтобы прижаться ближе, сообщить о своём желании. Просто улыбался и продолжал сидеть на месте. Так почему же, чёрт возьми, меня так лихорадило?! Музыка продолжала плыть вокруг, и никто ничего не заметил.

Пока я отлучилась в туалет, Сергей исчез, попрощавшись со всеми, кроме меня. Мне больше незачем было оставаться. Всё вокруг — лица, голоса, запахи — слилось в одно тёмное бесцветное пятно. Вдруг захотелось оказаться дома, свернуться калачиком под одеялом и спрятаться от всего мира. Я извинилась перед подругой, ещё раз поздравила её с днём рождения и отправилась в июньскую ночь.

Опустошённая, неудовлетворённая, почти злая, не понимающая своих чувств, я вышла из подъезда. Меня раздирало на части: хотелось заставить этого мужчину страдать, выбить

из колеи, стереть с его лица улыбку и в то же время хотелось целовать, не помня себя. Ни за что! Я лучше спрыгну с крыши, чем снова влюблюсь в кого-то.

— Лиля! — От звука этого голоса я шарахнулась, как от огня.

Сергей вышел из машины и приблизился ко мне. Что он здесь делает? Почему не уехал?

— Давай я подвезу тебя до дома.

— Я дойду сама. Езжай, тебе же завтра на работу.

— Садись, не дури. Не стоит в таком состоянии разгуливать по ночным дворам.

— В каком состоянии? Что, думаешь, я слишком пьяная? Дойду сама! Слышишь?

Стараясь из последних сил сохранить ровную походку, я развернулась и зашагала прочь.

Его шаги шелестели сзади, ровно на расстоянии нескольких метров. Ни разу не обернувшись, я дошла до своего подъезда и остановилась.

— Ну. Проводил даму, рыцарь. Иди домой.

Руки в карманах джинсов, рубашка белеет в темноте — чистая, выглаженная, вкусно пахнущая. Размахнуться и ударить по лицу. Сбить очки. Посмотреть, что он сделает. Закричать. Убежать. Заплакать.

Сергей медленно подошёл ко мне, нежно поправил упавшую на глаза чёлку.

— Ты мне нравишься, Лиля. Но не нужно со мной играть,

как с маленькой собачкой. Спокойной ночи. — Его дыхание коснулось моих губ, и я чуть не рухнула на покрытый трещинами асфальт.

Когда он развернулся, чтобы уйти, я не выдержала.
— Стой.

Подбежала, схватила его за плечи и поцеловала. Один раз, второй, третий. Времени не существовало. Я провалилась в чёрную дыру, не понимая, что делаю, чего хочу и что будет дальше.

На нас смотрела только полная луна. Ярким холодным фонарём освещала она замусоренный козырёк подъезда, старую выщербленную лавочку, проржавевшую урну и этим же лучом-прожектором выхватывала из темноты два шатающихся тела, которые неловко, но жадно сплелись в объятиях друг друга.

— В среду в семь вечера — в кофейне на углу. Встретимся?

Я кивнула и бросилась в безопасность подъезда.

Глава 7

Я ненавидела первые свидания. Обычно всё начиналось с лёгкого волнения, предвкушения чего-то важного, но быстро накатывала скука. Я видела, как мой визави, как правило, какой-нибудь надутый от собственной важности мужичок в своём лучшем спортивном костюме или блестящей фиолетовой рубашке, пытается произвести впечатление рассказами о работе, машине, отпуске, даже бывших подружках или жёнах. Меня угощали мороженым, пивом или шампанским, катали по городу, нарушая правила дорожного движения, а потом неизменно приглашали в сауну или напрашивались в гости на «чашку чая». А я раскладывала каждого на детали: запах, глаза, руки, улыбка, голос. Если хотя бы что-то из этого мне нравилось, я могла согласиться на быстрый одноразовый секс. Изредка знакомство продолжалось, но ещё никто не зацепил меня настолько, чтобы я могла назвать это хотя бы подобием влюблённости.

В этот раз всё было по-другому. Мне хотелось знакомой, проторенной дорожки, я была готова к скуке, мимолётной похоти и быстрому расставанию, но Сергей вызывал во мне слишком противоречивые чувства. Я обещала: «Пересплю и брошу», но тут же ловила дрожь в руках и жуткое волнение, от которого скручивало внутренности. Перед назначенной встречей в кофейне я десять раз переодевалась и в итоге

остановилась на просторном умеренно коротком платье. Надела белые босоножки на высокой платформе — в них ноги выглядели длиннее и стройнее, но не вызывающе. Взбила нежелающие ровно лежать волосы, заправила за уши самые непокорные пряди и, решив, что большего от себя добиться не смогу, шагнула навстречу неизбежному.

Маленькая кофейня встретила меня ароматами эспresso, ванили и жареного сыра. Внутри было прохладно и пусто, большинство посетителей расположились на летней веранде, мне же хотелось скрыться от уличного зноя и посторонних глаз. Сергей уже ждал за столиком у окна. Улыбнулся, привстал, отодвинул для меня стул. Я спрятала руки между колен и задрала подбородок, оглядывая интерьер, чтобы скрыть неуверенность.

— Никогда бы не подумала, что всё ещё способна волноваться на первом свидании, как школьница. Я дрожу, как берёзовый лист.

Сергей соорудил гримасу сомнения, а потом расхохотался в голос.

— Берёзовый лист? Значит, нам обоим нужно добавить в кофе по капельке коньяку. Хотя можем просто подрожать вместе.

Через пятнадцать минут я забыла о том, где нахожусь, и любовалась тем, как ласковое вечернее солнце освещает его фигуру. Глаза и волосы казались темнее, но в них вспыхивали золотистые искорки, а кожа отливала лёгким коричневым

загаром.

Мелодия телефонного звонка изменила выражение лица Серёжи, а голос, которым он ответил звонящему, стал твёрдым и сухим.

— Да? А что Волков? Понял. Через полчаса буду.

Посмотрел на меня.

— Мне нужно ехать в больницу. Заменить коллегу. Срочная операция. Тебя довести до дома или

Я кивнула и, бросив прощальный взгляд на тающее в белом блюде шоколадное мороженое, вышла из-за столика.

Сергей проводил меня до дома, по-дружески чмокнул в щёку и спешно попрощался. Но в этот раз я не могла отпустить его так просто.

— Эй, а ты не хочешь записать мой номер телефона? В конце-то концов

Он обернулся и серьёзно ответил:

— Да он давно уже у меня записан. Неужели ты думаешь, что я не воспользовался родственными связями?

Я помахала рукой. Поднявшись в квартиру, увидела своё отражение в большом зеркале, висящем напротив двери, и застыла. Оттуда на меня смотрела женщина с обескураженно счастливыми глазами. Но мозг отказывался это принять. «Он бросил меня в середине первого свидания. Умчался на работу. Я никогда не смогу этого изменить. — Мысли, как гладкие камешки, стучали в голове. — Да пошёл он! Больше никаких свиданий. Если позвонит, скажу, что он не в моём

вкусе».

Сергей позвонил. И я ничего такого не сказала.

* * *

Я долго не могла понять, что изменилось, и списывала всё на июль — раскинувшийся во всю ширь, яркий, жаркий, вкусно пахнущий солнцем, горячим асфальтом, жареными пирожками, бархатцами. Под безоблачно-синим небом дни не кончались, а когда, всё-таки устав, нежно гасли в голубом сумраке, начинались пьянящие, как медленный глоток коньяка, ночи. И всё вокруг торопилось жить и жадно впитывало в себя роскошь короткого сибирского лета.

Странно, но впервые у меня не было ощущения, что время летит слишком быстро, ускользает, не даёт насладиться теплом и светом, а там, не успеешь оглянуться, зарядят дожди, придут пронизывающие ветра, слякоть, шапки — и привет, осень. Напротив, я вся была в настоящем, и оно замерло вокруг, не спеша переплавляясь из утра в день, из дня в вечер, из вечера в ночь.

Я стала просыпаться без будильника, и у меня всегда оставалось в запасе блаженных пятнадцать минут, чтобы потянуться, как кошка, под тонким одеялом, посмотреть в приоткрытое окно, послушать звуки бодро встречающего новый день города. Простые вещи начали приносить радость: горячий кофе из любимой кружки, неторопливый душ, новое платье. И коротенькое сообщение в телефоне: «Привет, сегодня задерживаюсь, но приеду. В 20 у фонтана?»

Я начала смотреть на свой город глазами туриста: выискивать самые тенистые аллейки в парке, любоваться жёлтым светом пушкинских фонарей, зажигающихся в вечернем полумраке, разглядывать иллюминацию вывесок на главной улице, наслаждаться посиделками у реки и заворожённо наблюдать, как мерцают огоньки на противоположном берегу. Мне всё хотелось показать Сергею — и тёмный нестрашный лес с соснами, вырастающими в небо, и кованую скамейку на площади, на которой так уютно сидеть и смотреть на разлетающихся от детской беготни голубей.

Мы встречались один или два раза в неделю, гуляли по частному сектору, разглядывали дома — старые деревянные, почти вросшие в землю, высокие кирпичные, с коваными заборами вокруг, причудливые и не похожие на другие, с разноцветными крышами и уютными палисадниками — и придумывали истории про людей, которые там живут.

Вот здесь обитает древняя старушка, которая переехала вместе со своим домом, разобранным по брёвнышку, из старого города, когда тот затапливали при строительстве ГЭС. Она любит печь блины и скучает по внукам, у неё три кота и ласковая рыжая дворняжка, которая лает только от радости. А тут живёт семья с пятью детьми. Отец со старшими сыновьями начал возводить пристройку из сибита, потому что скоро в доме появится шестой малыш, да и дедов нужно перевозить поближе. По вечерам все собираются на первом этаже в большой гостиной, едят жёлтый ароматный плов, за-

пивают горячим сладким чаем и вспоминают, какие жаркие ветра дуют в это время года в казахстанской степи.

Мы гуляли и разговаривали. О том, как хорошо иметь свой дом и большую семью, где все ладят и любят друг друга, не круглосуточно, конечно, потому что побухтеть о пересолённом супе и разбросанных носках — это святое дело, но всё-таки понимая, что вместе — хорошо, уютно и радостно. О том, как можно жить, не загоняя себя в душную клетку, не впадая в осеннюю депрессию, не общаясь с чужими людьми. О том, как здорово заниматься любимым делом, от которого покалывает кончики пальцев, и всё вокруг приобретает смысл, вкус, вес.

Сергей часто рассказывал о работе, я сама его просила. О пациентах, операциях, лечении, реабилитации. Истории были разными: и грустные, и страшные, и оптимистичные, и забавные. Но в каждой из них я видела его — сосредоточенного, внимательного, доброго, из последних сил вежливого, уставшего. Он только начинал свой профессиональный путь и буквально горел энтузиазмом. Казалось, мог не спать, не есть и ни о чём не думать, кроме своих пациентов. Это было поле битвы — за других и за себя. Нужно не только помочь, спасти чью-то жизнь, поставить на ноги, нужно доказать, что ты можешь, и можешь с каждым разом лучше. Он гнал вперёд упрямо и яростно, пытаясь приблизиться к совершенству. Это и завораживало, и пугало меня. А ещё я ему завидовала.

Мне хотелось так же страстно любить то, чем я занимаюсь, уходить с головой в работу, гордиться достигнутыми результатами, чувствовать себя нужной и полезной.

— Ты не хочешь вернуться в аспирантуру? — спросил Сергей однажды.

— Я не смогу.

— Сможешь.

— Я всё забыла!

— Кто и когда открыл вирусы?

— В тысяча восемьсот девяносто втором году Дмитрий Ивановский опубликовал статью о небактериальном патогене табака, а через шесть лет Мартин Бейеринк открыл вирус табачной мозаики.

— Вот видишь!

— Ты издеваешься?

— Немного, но, когда твой зуд станет нестерпимым, ты сможешь. Даже если придётся начать всё с нуля.

Он любил готовить, на кухне — моей или своей — совершенно преображался. Шутил, жонглировал яблоками, с ловкостью профессионального повара строгал овощи и рубил мясо, мог за полчаса приготовить ужин из трёх блюд. В это время я сидела на стуле, поджав под себя босые ноги, и не могла оторвать взгляда от его фигуры. Потом мы ели, не спеша, продолжая болтать ни о чём, мыли посуду, наводили порядок.

А ещё меня поражало, как он общается с незнакомцами. Как там это называется, смол-ток? Никогда не понимала, о чём можно десять минут болтать с продавцом фруктов из солнечного Узбекистана или молодой мамашкой, у которой коляска с дитём застряла в глубокой луже. Он не мог проехать мимо сломавшейся на дороге машины и подробно объяснял каждому заплутавшему путнику дорогу, а то и сам вызвался проводить. Я же думала только о том, что это погубит его, когда-нибудь обязательно погубит. Вот и вся разница: я кругом видела опасность и подвох, он — добрых людей. Любое поведение мотивировано позитивным намерением, это ж ещё Ричард Бендлер сказал, отец НЛП, говорил Серёжа, и я начинала спорить до хрипоты и с Серёжей, и с этим «отцом», но пыл моего оппонента всегда утихал первым, и он заключал: «Да ладно, НЛП — это вообще псевдонаучная теория».

Мне нравились наши встречи-прогулки-разговоры, но они совершенно сбивали с толку, не укладываясь в привычную систему координат. Мы не устраивали романтических свиданий со стихами, свечами и лепестками роз, не напивались и ни разу не занимались любовью. Это было немыслимо и ни на что не похоже. Я не узнавала себя, так легко сбрасывающую одежду, смелую, наглую, безразличную. Каждое прикосновение Сергея, будь то заботливые объятия, лёгкое касание губами, поглаживание по щеке или голове, отзывалось во мне волнами разной интенсивности: от приятного

тепла до настоящего пожара в теле. Но стоило только дойти до заветной черты, как я отпрыгивала на безопасное расстояние, боясь непонятно чего. Торопилась домой, придумывала срочные дела, меняла тему. Я думала, что, оказавшись одной, уже не смогу защитить себя: ни промолчать, ни с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.